

М.М. Магомедханов

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРИМОРСКОМ И СЕВЕРНОМ ДАГЕСТАНЕ

Методы дифференциации территорий, применяемые в физической и этнической географии, не обязательно должны быть идентичными, особенно применительно к Дагестану, в котором ареалы традиционного расселения одних и тех же народов, например, аварцев, даргинцев, кумыков, охватывают не одну, а несколько географических зон. Используемое здесь деление на географические зоны носит условный характер, так как основано оно не только на общепринятых в географии Дагестана принципах разграничения территории, но и с учетом специфики развития этноязыковых процессов в различных частях Дагестана. Исходя из этого, под Центральным приморским и Северным Дагестаном здесь подразумевается территория, исторически входившая в пределы Мехтулинского ханства, шамхальства Тарковского, Засулакской Кумыкии, Кизлярской и Ногайской степей, т.е. в ареал традиционного расселения кумыков, чеченцев-аккинцев, русских, ногайцев и представителей некоторых других этносов, о которых будет упомянуто отдельно. В отмеченную выше зону, в соответствии с современным административно-территориальным делением Дагестана, входят часть Кайтагского, Каякентский, Карабудахкентский, Буйнакский, Кумторкалинский, Кизилюртовский, Хасавюртовский, Бабаюртовский, Кизлярский, Тарумовский и Ногайский районы.

Этноязыковые процессы у кумыков развивались в ином, чем у народов Южного Дагестана направлении. К примеру, лезгины освоили письменность на тюркском (азербайджанском) языке, тогда как у кумыков сложилась традиция письменности и художественной культуры на своем кумыкском языке. Среди факторов, способствовавших сохранению такой культурно-языковой ориентации, следует отметить высокий статус кумыкских политических образований не только в Дагестане, но и за его пределами. Напомним в этой связи, что такие мощные державы, как Россия, Персия, Турция, вплоть до Гюлистанского договора 1813 г. рассматривали кумыкские владения в качестве единого субъекта внешнеполитических отношений и поддерживали с шамхалом Тарковским прямые договорные отношения.

Кроме того, во второй половине XIX в. кумыки, по заключению М.-Р. Ибрагимова и А.М. Аджиева, «представляли собой относительно высококонсолидированный народ с развитыми этническими признаками: распространением единого эндоэтнонима, единого языка, наличием единого культурного ядра, регулярностью торгово-экономических и культурных взаимосвязей и т.п. Процесс этнокультурной консолидации, – пишут они, – не устранил деления на этнографические группы (брагунские, буйнакские, моздокские, хасавюртовские кумыки) и субэтноты (башлинцы, казанищенцы, эндиреевцы и др.), которые сохранили некоторые специфические черты в культуре, быту, языке, фольклоре и т.д., впрочем, ныне не играющие существенной роли» (Ибрагимов М.-Р. А., Аджиев А.М., 2002. С.473).

Важным фактором упрочения этноязыкового самосознания кумыков явилось то, что они на протяжении столетий находились в едином с народами Нагорного Дагестана культурно-языковом пространстве. Мы имеем в виду не только обстоятельно освещенную в востоковедческих работах общность арабоязычной религиозно-культурной традиции, но и роль кумыкского языка как языка межэтнического общения. «Начиная примерно с хазарского времени по первую треть XX в. тюркский язык предков кумыков, а затем и сам кумыкский язык, – пишут М.-Р. А. Ибрагимов и А.М. Аджиев, –

служили языком межэтнического общения на Северо-Восточном Кавказе. Кумыкский язык, окончательно сложившийся в домонгольскую эпоху, – отмечают они, – был официальным языком переписки народов Кавказа с русскими царями, представителями русской администрации, изучался в гимназиях и училищах Владикавказа, Ставрополя, Моздока, Кизляра, Темир-Хан-Шуры и др., в 1917–1918 гг. на национальных съездах народов Северного Кавказа кумыкский язык был принят в качестве официального языка» (*Ибрагимов М.-Р. А., Аджиев А.М., 2002. С. 474*).

Говоря о распространении кумыкского языка в Дагестане, Н.С. Джидалаев отмечает, что «десятки аварских (салатавских и др.), даргинских (кайтагских, кадарских и др.), татских (в регионе Кайтага и Хасавюрта), чеченских (в том числе ауховских), русских (в том числе казачьих) селений находились в непосредственном соседстве с кумыкскими населенными пунктами или в окружении последних... население горной части Дагестана – аварцы (в том числе и многие из народностей андийской группы), арчинцы, даргинцы, лакцы имели традиционные торгово-экономические и военно-политические связи с кумыкской плоскостью». В среде названных выше народов, – пишет он, – а также андийцев, ахвахцев, багвалинцев, ботлихцев, ингушей в каждом поколении находилась «прослойка» людей, которые в той или иной степени владели кумыкским языком, а «при необходимости могли использовать кумыкский язык и для общения между собой». Тот факт, что в аварском, даргинском и лакском языках (т.е. в каждом из них) сохранились «более пятисот кумыкских слов, терминов, а также синтаксические кальки и др.» Н.С. Джидалаев объясняет существованием «продолжительного частичного аварско-(даргинско-, лакско-, -) кумыкского двуязычия» (Джидалаев Н.С., 2004. С. 45–46).

Народы Нагорного Дагестана не были и не могли быть в изоляции от культурной жизни кумыков. Достаточно сказать, что биографии многих известных в Дагестане и за его пределами ученых-алимов связаны с такими центрами духовной жизни и просвещения кумыков, как Аксай, Эндирей, Костек, Тарки, Казанище, Эрпели, Доргели и др. Редко какой алим в дореволюционном Дагестане не знал кумыкского языка и кумыкской грамоты. Примечателен в этой связи и тот факт, что в первые годы советской власти все члены Союза писателей Дагестана знали кумыкский язык. Говорили на нем не только с кумыками. Так, например, Эфенди Капиев работал учителем в с. Аксай и хорошо освоил кумыкский язык, что позволяло ему свободно общаться с Сулейманом Стальским. Абуталиб Гафуров знал аварский, а Гамзат Цадаса в молодые годы был муталимом в Чечне и научился чеченскому языку. Но тот и другой в обществе Тагира Хрюгского или Алиява Кази говорили по-кумыкски.

И это не единичные примеры. В г. Буйнакске коренные буйнакцы разных национальной вплоть до 70-х гг. XX в. общались в быту преимущественно на кумыкском языке, на нем велась торговля. Небезынтересно и неслучайно то, что в начале 30-х гг. XX в. труппу располагавшегося тогда в г. Буйнакске кумыкского театра составляли «8 кумыков, 4 аварца, 2 лака, 1 балкарец, 1 крымка (крымская татарка. – Авт.), 1 гречанка, 1 даргинец, 1 казанский татарин и 1 армянка...». Как писал грек Антон Сегеди, один из организаторов кумыкского, аварского и даргинского национальных театров и один из первых в Дагестане театроведов, «все они хорошо знали кумыкский язык, но все же акцентировка давала себя чувствовать» (*Сегеди А., 1934. Л. 19*).

Среди объективных оснований, стимулировавших развитие этноязыкового самосознания кумыков, следует отметить и исторически сложившуюся торгово-экономическую ориентацию населения Нагорного Дагестана на кумыкскую равнину, на освоение кумыкского языка. Традиция эта в трансформированном виде сохраняется и в наши дни. Показательно в этой связи то, что и поныне аварцы, даргинцы, лакцы, чрезвычайно активно вовлеченные в торгово-экономическую и предпринимательскую сфе-

ры на севере республики, почти не проявляют интереса к экономической деятельности в южном Дагестане. В качестве еще одного фактора функционального развития кумыкского языка на протяжении последних трех столетий можно рассматривать синхронное с другими народами Дагестана формирование литературной традиции на родных языках. Примечательно, что кумыки в лице таких просветителей, как Абусуфьян Акаев и др., настаивали на том, чтобы языком обучения кумыкских детей в школах был именно кумыкский язык, а не турецкий, крымско-татарский или азербайджанский язык.

«Как народ более культурный, – писал в 1893 г. А. Шихалиев, – кумыки всегда пользовались большим влиянием на соседних горцев, для которых их язык, весьма близко стоящий к другим тюркским наречиям Северного Кавказа...служит языком международных отношений, хотя в последнее время русский язык начинает его замещать в этой роли, проникая все дальше и дальше в горные ущелья Кавказа» (Кое-что о кумыках и об их языке..., 1893. С. 60).

С конца XIX в. в культурной жизни кумыков, как и других народов Дагестана, происходили изменения, которые можно охарактеризовать как трансформацию арабомусульманской культурной традиции, становление светской системы образования и науки, профессионализацию художественной культуры, прежде всего языковых ее форм.

Специфика этноязыковых процессов у чеченцев, представленных в Дагестане собственно чеченцами и их этнической группой – аккинцами, связана с историей их расселения в непосредственной близости с северными кумыками и салатавскими аварцами, язык которых, особенно кумыкский, оказал, по мнению исследователей, сильное влияние на язык аккинский, диалект чеченского языка.

«В лексике аккинского диалекта, – пишет И.Ю. Алироев, – наблюдается большой слой восточной, тюркской, арабской, персидской заимствованной лексики, пришедшей сюда из языков Дагестана. Аккинский диалект, оказавшись в окружении такого влиятельного языка, как кумыкский, который вплоть до Октябрьской социалистической революции являлся межнациональным языком, стал испытывать сильное его влияние. Поэтому в аккинском диалекте просматривается большой слой восточной лексики, отсутствующей в чеченском литературном языке» (Алироев И.Ю., 1994. С.47).

Как пишет М.-Р. А. Ибрагимов, «по поводу происхождения, этнической принадлежности аккинцев-ауховцев, времени переселения и образования Ауховского общества в Дагестане и другим вопросам имеются различные, порой противоречивые сведения и гипотезы» (Ибрагимов М.-Р.А., 2002. С.462).

По Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Дагестане насчитывалось 21,4 тыс. чеченцев, а накануне выселения в 1944 г. – 37,1 тыс. человек.

Перепись 1970 г. выявила восстановление в Дагестане довоенной численности чеченцев (40 тыс. человек). К 1989 г. численность чеченцев в Дагестане составила 57,9 тыс. человек, а по переписи 2002 г. – 87,9 тыс. человек. (Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1928. С. 342; ЦГА РД, п-1, Оп.2, Д. 1013, Л.42; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г., С.133–134; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990. С.127–128; Национальный состав и владение языками, гражданство, 2004. С. 58–59).

Возникновение у чеченцев письменности на арабской графической основе хронологически совпадает с периодом их обращения в ислам (XVI–XVIII вв.). В первой половине XIX в., особенно в период вхождения Ичкерии в состав имамата Шамиля, деловая переписка велась на арабском языке. Как писал И.Ю. Крачковский: «История нашей арабистики до сих пор не осветила полностью периода, когда арабский язык был единственным литературным языком не только науки, но и деловых сношений на Северном Кавказе – в Дагестане, Чечне, Ингушетии. На ней здесь развивалась своеобразная традиция, выдвинувшая местных канонистов, историков и поэтов, возникла целая живая ли-

тература на мертвом языке, который, однако, звучал как живое средство межплеменного общения» (*Крачковский И.Ю.*, 1960. С. 615).

В качестве языка межэтнического общения чеченцы-аккинцы использовали кумыкский язык. Со второй половины XIX в. усиливается и потребность в знании русского языка и русской грамоты. Как писал в 1914 г. в издававшейся С. Габиевым в С.-Петербурге «Мусульманской газете» житель с. Аду-Юрт Надтеречного участка Грозненского округа Терской области Мерлу Ноллаевич Ноллаев, «чеченец знает, что он тогда может хорошо устроиться и пробить себе дорогу, когда он будет знать русский язык, без которого он шагу сделать не может, и знает также то, что в школе, которая будет находиться в ауле, он никогда этого языка не выучит, «ученики» этих школ, окончивши курс, могут еле-еле писать и читать, подчас не понимая, что они читают... Что можно ожидать от чеченца, который изучил русскую жизнь и русский язык в тюрьме? А ведь все почти чеченцы, знающие русский язык, изучили его именно там» («Мусульманская газета», 1914).

До 1925 г. чеченская письменность функционировала на аджаме, затем ее перевели на латиницу, а с 1938 г. – на кириллицу. Впрочем, задолго до 1938 г. П.К. Усларом была составлена азбука и грамматика чеченского языка на русской графической основе (Услар П.К., 1888).

«До 1917 года чеченский народ лишен был возможности иметь свою письменность, литературу и школу... Октябрьская революция в Чечне, – писал М. Орцуев, – застала 60-тысячную армию мюридов, 2675 мечетей, 180 арабских мусульманских школ с большим количеством учащихся в них» (*Орцуев М.*, 1933. С. 82–83).

Численность «армии мюридов», притом что к 1926 г. чеченцев насчитывалось всего 318,5 тыс. человек, преувеличена. Что касается «арабских мусульманских школ», статистика вполне внушительная, если, конечно, принять во внимание то, что в них учили и читать, и писать, а также добавить к «большому числу учащихся» еще и тех, которые получали традиционное мусульманское образование или повышали его в Дагестане.

Меры, предпринятые советской властью по ликвидации неграмотности, а заодно и по уничтожению литературы на арабском языке и аджаме, составлению первых учебников, созданию на чеченском языке прессы, литературы, театра и т.д., были поистине революционными. Однако в результате трагических событий, вызванных депортацией их в 1944 г., достижения Чечни на «культурном фронте», которые в равной мере принадлежали и дагестанским чеченцам, были сведены к минимуму. По возвращении в Дагестан чеченцев-аккинцев (в 1957 г.) пришлось практически заново создавать для них образовательные и культурные учреждения.

Как показала перепись населения 1979 г., дагестанские чеченцы по уровню образования занимали среди народов республики последнее место. Так, на 1979 г. доля лиц среди них с высшим образованием была в 3,5 раза ниже среднестатистических по ДАССР, и в 5,5 раза ниже, чем в среднем по СССР. Несмотря на столь неблагоприятное состояние образования, тогда еще малочисленная чеченская интеллигенция нацеливала аккинцев не на культурную реабилитацию репрессированного народа, а на решение территориального и иных этнополитических вопросов. В сущности, такая ориентация соплеменников вела к их этнической самоизоляции, что особенно проявлялось во взаимоотношениях жителей с. Ленинаул, Калининаул, в бесконечных трениях и инсинуациях вокруг Новолакского района и т.д. (*Республика Дагестан: современные проблемы национальных отношений...*, 1992; *Дагестан: чеченцы-аккинцы*, 1993. С. 99–102; *Чеченцы-аккинцы Дагестана*, 1993. С. 30–42; *Дагестан: кумыкский этнос*, 1993. С. 36–42; *Булатов Б.Б., Рамазанов Д.Ш.*, 2000. С. 87–95 и др.).

Надо сказать, что в те годы высшие учебные заведения Дагестана предпринимали меры к выправлению такого положения.

Льготные условия поступления в вузы Дагестана создавались не только для дагестанских чеченцев, но и для чеченцев и ингушей из ЧИАССР. В Дагестане и в советский период, и в постсоветское время большое внимание уделялось вопросам удовлетворения этнокультурных запросов и интересов чеченского населения. Сегодня дагестанские чеченцы по своему социально-культурному облику мало отличаются от других дагестанских народов.

Между чеченским литературным языком и аккинским диалектом чеченского языка существуют ощутимые в бытовом общении расхождения. В этой связи важное для этнокультурной консолидации чеченского этноса значение имеют вопросы преподавания в школах родного языка.

М.-Р. А. Ибрагимов пишет: «Сегодня дети аккинцев в школах в качестве родного языка изучают чеченский литературный язык... обучение на чеченском языке (с 1-го по 4-й классы) ведется в 10 школах Хасавюртовского района, 9 школах Новолакского района, в одной школе Бабаюртовского района... в качестве учебного предмета чеченский язык изучается в 33 школах Хасавюртовского района и г. Хасавюрта». Автор также отмечает, что с 2001 г. на чеченском и русском языках издается газета «Рийсо» («Равенство») и что «чеченские песни, мелодии, танцы – неотъемлемая часть дагестанских концертных программ, передач республиканского телевидения и радиовещания» (*Ибрагимов М.-Р. А., 2002. С.472*).

Формирование русского населения Дагестана – это особая страница в истории Дагестана. Роли русского народа и русского языка в социально-экономическом и культурном развитии народов Дагестана, дагестанско-русскому двуязычию посвящено большое количество работ (*Гаджиев А.С., 1963; Гаджиев А.С., 1964; Гаджиев В.Г., 1965* и др.). Тема эта занимает центральное место в историографии истории и культуры Дагестана. Не обойдены исследовательским вниманием и демографические аспекты этого вопроса (*Ибрагимов М.-Р. А., 2001*).

По обобщенным данным, которые содержатся в работе М.-Р. А. Ибрагимова, специально посвященной истории формирования русского населения Дагестана, на 1897 год «в пределах современного Дагестана насчитывалось 44,6 тыс. русских, что составляло 6,3 % всего населения (710,5 тыс. человек), в том числе в Дагестанской области – более 16 тыс. человек (2,8 %), в Хасавюртовском округе Терской области – 4,5 тыс. человек (6,4 %) и в восточной части Кизлярского округа той же области – 24, 1 тыс. человек (35,1 %). К 1913 г. в Дагестанской области русских насчитывалось уже 41,7 тыс. человек (около 6 % населения), причем более 33 тыс. их проживало в городах, т.е. русские составляли почти половину (42,5 %) городского населения области. В Хасавюртовском округе численность русских возросла в 3 раза – до 15,1 тыс. человек (18,5 %), а в восточной части Кизлярского округа – до 42,2 тыс. человек (56 %). Всего же в границах нынешнего Дагестана к концу 1913 г. проживало до 99 тыс. русских, или 11,4 % всего населения (864, 9 тыс. человек). Таким образом, – заключает автор, – численность русских за период с 1897 по 1913 гг. увеличилась в 2,2 раза, а всего населения – лишь в 1,2 раза» (*Ибрагимов М.-Р.А., 1978. С. 93*).

К 1926 г. русских в Дагестане насчитывалось 65, 7 тыс. человек, к 1959 г. – 213,8 тыс. человек (Всесоюзная перепись населения 1926 г. , 1928. С. 342; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., 1962. С. 202).

С 70-х гг. XX в. наблюдается уменьшение как относительной, так и абсолютной численности русского населения Дагестана. По переписи населения 1970 г. русских в Дагестане было 209,6 тыс. человек, в 1989 г. – 189,5 тыс. человек, а по данным последней переписи (2002 г.) – 120,9 тыс. человек (4,7%). (Итоги Всесоюзной переписи 1970 г., 1973. С.133–134; Численность и состав населения СССР..., 1984. С. 76; Национальный состав населения РСФСР ... 1990. С. 127–128; Национальный состав и владение

языками..., 2004. С. 58–59).

Уменьшение численности русских в Дагестане было обусловлено как сугубо демографическими проблемами, так и миграцией русских за пределы республики (Ибрагимов М.-Р.А., 2001). Ситуация эта многократно комментировалась специалистами в области межнациональных отношений и в СМИ (Проблемы русскоязычного населения..., 1996). Назывались причины и мотивы, по которым в 90-е гг. XX в. дагестанские русские стали уезжать из Дагестана:

а) обострение общественно-политической ситуации в регионе в связи с военными событиями 1994–1995 гг. в Чечне и попытками распространения войны на территорию Дагестана;

б) разгул преступности, рэкет, принуждение русских криминальными этническими группировками к продаже недвижимости и выезду из республики путем шантажа, запугивания и т.д.;

г) опасения русского православного населения, связанные с распространением в Дагестане радикальных течений ислама;

д) ухудшение социально-экономического положения республики, низкий уровень жизни;

е) рост национализма, возникновение национальных движений, обострение межэтнических отношений;

ж) бытовая дискриминация русских как этнического меньшинства в Дагестане и др.

Из перечисленных выше причин две последние являлись, на мой взгляд, наименее существенными прежде всего потому, что тема межнациональных отношений применительно к Дагестану представляется надуманной не только в связи с терминологической неточностью (точнее называть эти отношения межэтническими), но и по сути. Конфликты, как известно, происходят в любых социумах, в том числе в дагестанском обществе. Но дело в том, что дагестанские и недагестанские политологи и этнополитологи, в отличие от абсолютного большинства дагестанцев, в самых обыденных трениях между людьми охотно обнаруживают именно «национальный», этнический подтекст. Что касается деятельности «национальных движений», «народных фронтов» и т. д., рассматриваемой в этнополитологической литературе в контексте «развития межнациональных отношений в Дагестане» в 90-е гг., то она, эта деятельность, судя по мотивациям и результатам политической активности членов «национальных движений», к «межнациональным отношениям в Дагестане» имела косвенное отношение. Напомним, что в это время лидеры «национальных движений» («Русь», «Русская община», «Терский казачий круг» (русск.), «Тенглик» (кум.), «Бирлик» (ног.), «Кази-Кумух» (лакск.), «Народный фронт им. имама Шамиля» (аварск.), «Цадеш» (дарг.) и др., выступали в защиту русскоязычного населения, состояли между собой в партнерских отношениях, пользуясь которыми, им в условиях всеобщего кризиса государственности в России и Дагестане и упразднения полномочий обкома КПСС (который, кстати сказать, самым тщательным образом отслеживал и успешно регулировал межэтнические отношения) удавалось предпринимать согласованные действия по возложению на себя функций государственного управления. «Национальные движения» выступали в роли гарантов обеспечения национального равноправия по части представительства в органах власти, при распределении по этническому признаку (точнее, между лидерами движений) подлежащих приватизации государственных объектов и отраслей промышленности, в решении территориальных споров и т.д.

Несмотря на непростую социальную атмосферу, обусловленную низким качеством жизни, безработицей и побуждающую многих дагестанцев выезжать из республики во внутренние области России и в зарубежные страны, межэтнические отношения в Дагестане характеризуется как толерантные.

Распространение русского языка в Дагестане было связано с усилением влияния русской культуры особенно во второй половине XIX в. Первоначально русским языком овладевали лица, принадлежавшие к местной социальной верхушке, входившей в деловые контакты с представителями царской власти и администрации.

Полноценное и разностороннее взаимодействие народов республики в хозяйственно-экономической, политической, культурной жизни невозможно без широкого применения языка межэтнического общения. В этой связи расширение сфер функционирования русского языка в условиях Дагестана – процесс объективный и закономерный.

Подчеркнем, что русская или русскоязычная культура, – это достояние русского народа и вместе с тем явление мировое, феномен транснационального и трансконтинентального масштабов, функционирование которого не ограничивается этническими рамками или государственными границами Российской Федерации. В этой связи значение русского языка для духовного прогресса народов Дагестана, обогащения их культур достижениями российской и мировой цивилизации трудно переоценить. Именно через русский язык многие наиболее яркие явления в культурной жизни народов Дагестана становятся ценностями общероссийской и мировой значимости.

Русский язык стремительно выходит за пределы функциональной роли языка межэтнического общения. Он является не только основным средством натурализации нерусского населения в российскую политическую и гражданскую нацию, но и неотъемлемой частью культуры и этничности народов России.

Применительно к Дагестану это означает, что наиболее насыщенная этническим содержанием информация исторического, политического, публицистического, художественного и даже религиозного характера передается и потребляется современными дагестанцами именно через русскоязычные источники. Если добавить к этому и резко возросший за последние годы интерес молодого поколения дагестанцев к усвоению иностранных, в особенности английского, арабского и турецкого языков, то становится понятным, почему современное социолингвистическое поле Дагестана не может быть охарактеризовано одними только понятиями «билингвизм» и «национально-русское двуязычие».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алироев И. Ю.*, 1994. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный.,
Булатов Б. Б., Рамазанова Д. Ш., 2000. Деятельность органов власти Республики Дагестан в области межнациональных отношений (80–90 гг. XX в.). Махачкала.
Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1928. Т. V. М.
Гаджиев А., 1963. Роль русского языка в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала.
Гаджиев А.С., 1964. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала.
Гаджиев В.Г., 1965. Роль России в истории Дагестана. М.
Дагестан: кумыкский этнос, 1993. М.
Дагестан: чеченцы-аккинцы, 1993. М.
Джидалаев Н.С., 2004. Тенденции функционального развития языков в дореволюционном Дагестане (к характеристике языковой ситуации). Махачкала.
Ибрагимов М.-Р.А., 1978. К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI - начало XX в.) // СЭ. № 2.
Ибрагимов М.-Р. А., 2001. Этническая демография русских Дагестана // Русские на Северном Кавказе: вызовы 21 века. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону.
Ибрагимов М.-Р. А., 2002. Чеченцы // Народы Дагестана. М.
Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР, 1962. М.
Итоги Всесоюзной переписи 1970 г., 1973. Т. IV. М.
Крачковский И.Ю., 1960. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные сочинения. Т. IY. М.;Л.

Кое-что о кумыках и об их языке, 1893 // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XVII. Тифлис.

«Мусульманская газета». 14 марта 1914 г. СПб.

Национальный состав и владение языками, гражданство. Книга 1. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4). М., 2004.

Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990. М.

Орцув М., 1933. Культурное строительство Чечни за 15 лет // Революция и горец. Политико-экономический ежемесячник. Орган Северокавказского краевого комитета РКП(б) и краевого исполнительного комитета. Январь-февраль, № 1–2.

Проблемы русскоязычного населения Республики Дагестан. Материалы научно-практической конференции, 1996. Махачкала.

Республика Дагестан: современные проблемы национальных отношений в документах Верховного Совета, Совета Министров и общественных объединений. 1992. Махачкала.

Сегеди А., 1934. Дагестанский государственный национальный кумыкский театр. Махачкала // Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 120.

Услар П.К., 1888. Чеченский язык. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Тифлис.

Чеченцы-аккинцы Дагестана: к проблеме реабилитации, 1993. Махачкала.

Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., 1984. М.